

Федор Иванович Шаляпин стоит, выпрямившись во весь свой могучий рост. Смотрит прямо, гордо - так мог смотреть только он. Рядом - мальчик: круглолицый, ухоженный. По-наполеоновски сложил на груди руки, по-шаляпински смотрит.

- Да, да, снимок этот у меня есть. - Борис Федорович Шаляпин берет фотографию в руки. - Пусть это не покажется вам странным, но я прекрасно помню тот день. Мне шел шестой год, а

тальными талантами...»

- Известно, что Федор Иванович прекрасно рисовал, лепил. Выходит, тяга к «рисованию» в крови у Шаляпиных?

- Да, это верно. - Борис Федорович на минуту задумался, потом продолжил: - Некоторые его рисунки сохранились до наших дней. У меня же хранился целый альбом рисунков и набросков, сделанных отцом. Хорошо помню: альбом был синий с золотым ободком. Однажды я пока-

терянно спросил я. - Портрет готов. Рахманинов больше не согласится позировать.

- Согласится, - твердо сказал отец. - Пойди и скажи, что я просил. Рахманинов действительно согласился. Портрет я переделал... Да, не у всякого был такой учитель. А мне, честно говоря, повезло - ведь я учился у А. Архипова, Д. Кардовского, С. Коненкова...

- Борис Федорович, согласитесь, что Вам повезло еще и в

ПАЛИТРА ШАЛЯПИНА

жили мы в доме Варатина, неподалеку от места, где теперь стоит памятник Юрию Долгорукому. Отец пришел домой днем. Был он в прекрасном расположении духа, много шутил. А потом вдруг говорит:

- Одевайся, Бориска, пойдем фотографироваться.

- Я быстро надел костюмчик - что-то вроде матроски, и мы пошли вниз по Тверской в фотоателье Фишера.

Снимались мы долго, и все из-за меня. Я принимал такие важные позы и делал такое суровое лицо, что отец только руками разводил. Сделав несколько снимков (тот, что вы мне показали, один из них), хозяин ателье принес деревянного человечка, похожего то ли на Петрушку, то ли на Арлекина. Фотограф дернул за веревочку, и деревянный человечек смешно замахал руками, заболтал ножками. Я расхохотался. Отец брал меня на руки, сажал на спину - эти снимки тоже сохранились...

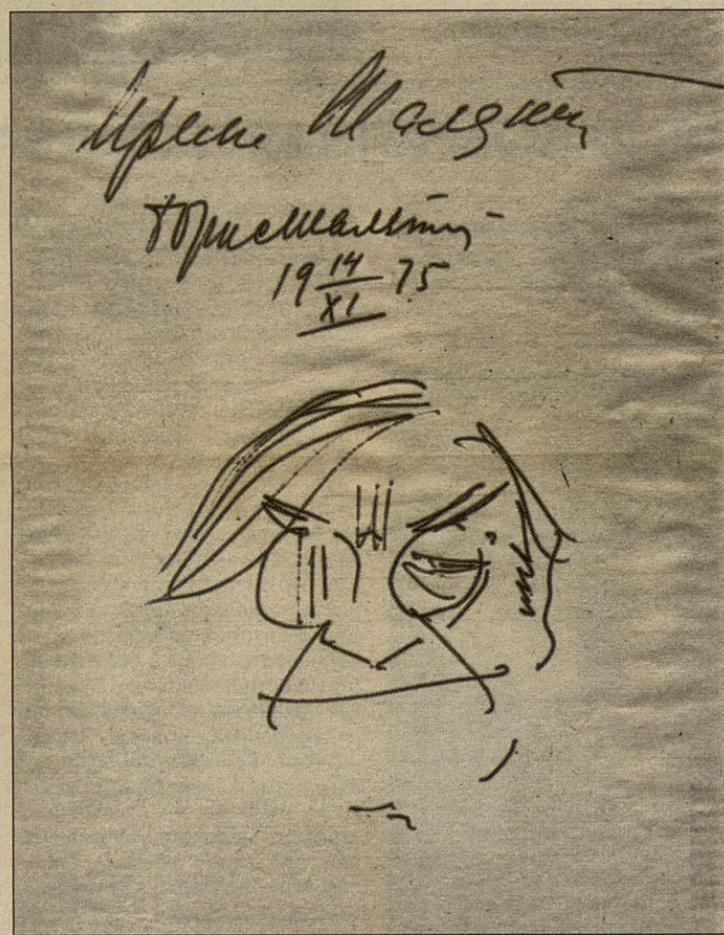
С известным американским художником Борисом Федоровичем Шаляпиным (старшим сыном Ф.И. Шаляпина) мы беседуем в номере гостиницы «Украина». За окном - шумная Москва, тихая, спокойная Москва-река. Отсюда мой собеседник уехал в 1925 году к отцу в Париж, а затем, уже в 1935-м, - в Америку. Там, вдали от Родины, Б.Ф. Шаляпин много работает: полотна, созданные им, знают сегодня тысячи любителей живописи. Художник создал галерею портретов выдающихся мастеров русского и советского искусства: К. Коровина, С. Рахманинова, Михаила Чехова, С. Коненкова, Г. Улановой и других. Но, пожалуй, главным делом всей творческой деятельности Б.Ф. Шаляпина можно назвать прекрасную «шаляпинскую» серию, написанные с натуры портреты отца в жизни и в ролях. Некоторые из этих работ можно было увидеть в Доме дружбы с народами зарубежных стран, где была открыта выставка картин Б.Ф. Шаляпина.

Работая долгие годы на Западе, где усиленно рекламируется абстрактное искусство, Б.Ф. Шаляпин остался верен традициям реализма.

- Я считаю себя реалистом. Был им и останусь, - словно предчувствуя мой вопрос, говорит художник. - Потому что реалистическое искусство - это искусство правды, это - сама жизнь во всех ее проявлениях...

Слушая его, я вспоминаю Федора Ивановича, его резкое, нетерпимое отношение к «модернизму». «До сих пор, - писал Ф.И. Шаляпин, - как я ни присматривался к ним, они кажутся мне просто шарлатанами, обладающими весьма сомнительными идеями и чрезвычайно незначи-

Имя художника Бориса Федоровича Шаляпина - сына выдающегося русского певца Ф.И. Шаляпина - хорошо известно и в нашей стране, и за рубежом, где он многие годы прожил. Столетие со дня рождения мастера широко отмечалось в эти дни. Его уже нет среди живущих, но остались прекрасные работы, говорящие о большом таланте художника, его любви к родной земле. Предлагаем вашему вниманию беседу с Б.Ф. Шаляпиным, состоявшуюся почти 30 лет назад во время его последнего приезда в СССР, в ноябре 1975 г.

зал эти рисунки известному ценителю и собирателю картин Остроухову.

- Это гениально! - воскликнул Остроухов. - Чьи работы? Врубеля? Нет?!

- К сожалению, альбом этот утерян. Где он сейчас, я не знаю... А сам я начал рисовать с раннего детства. Бывало, перед сном сделаю какой-либо рисунок, а внизу напишу: «Дорогому папе: «Спокойной ночи!» Отец собирал и хранил мои рисунки. Он очень хотел, чтобы я стал художником. Помогал мне всю жизнь и делом, и советом. Он был самым строгим моим судьей и критиком.

- Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

- Трудно. Это целая повесть. Но вот, пожалуйста, характерный пример. Я только что закончил второй портрет Рахманинова. Показал отцу. Тот остался очень недоволен, сделал несколько серьезных замечаний. Я было обиделся, но потом понял: отец прав.

- Что же теперь делать? - рас-

другом - ведь Вы встречались с людьми искусства, имена которых всемирно известны. Расскажите об одной из таких встреч.

- Конечно, конечно. В этом смысле у меня действительно счастливая судьба - ведь я писал портреты многих знаменитостей - Теодора Драйзера, Артуро Тосканини...

Поскольку мы уже упоминали С. Рахманинова, расскажу именно о нем, вернее об одном эпизоде, который, на мой взгляд, очень точно характеризует Рахманинова как человека. Я писал тогда первый его портрет. Работа двигалась медленно - композитор не мог сидеть спокойно, «без дела», он все время что-то наигрывал на рояле. Во время очередного сеанса Сергей Васильевич сыграл веселую польку.

- Понравилась? - спросил он у меня.

- Да.

- Сейчас я сыграю другой ее вариант.

- Какая лучше? - спросил Рах-

манинов, кончив играть. Я ответил, что мне больше понравился первый вариант.

- Мне тоже, - серьезно сказал Сергей Васильевич. - Польку написал мой отец, а вот вторая версия - это моя интерпретация ее. (Польку, о которой идет речь, отец композитора - В.А. Рахманинов - любил исполнять в кругу близких друзей в качестве своего собственного сочинения. Много позднее выяснилось, что она была заимствована из старинного музыкального альбома. - М.П.)

- Вы так тепло отозвались о своих учителях... А кто еще из художников особенно близок Вам, любим?

- Серов, Врубель... Многие. Из советских? Знаете, я все же недостаточно хорошо пока знаю современную советскую живопись. Вот сейчас наверстываю упущенное... Сильное впечатление произвела на меня серия работ Б. Пророкова, посвященная антивоенной теме.

- Борис Федорович, сейчас в мире, особенно после общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Хельсинки, политика разрядки международной напряженности завоевывает все больше и больше сторонников. Вас, как художника, не могут не волновать проблемы войны и мира...

- Эти вопросы волнуют всех людей. Я считаю, что разрядка - это очень здорово. Кстати, моя выс-

тавка, открытая в Москве, тоже результат международной разрядки, укрепляющих культурных связей США и СССР. Надо чаще встречаться, лучше знать друг друга - будет меньше поводов для непонимания.

Завершая беседу с Борисом Федоровичем, я спрашиваю его, вспоминает ли он там, в Америке, свою родину.

- Да, вспоминаю часто, - он посмотрел в окно. - Россию забыть нельзя. А Москву не узнать - огромный современный город. Спасибо москвичам за теплый прием, за внимание к тому, что я пишу, за память о славном сыне земли русской - Федоре Ивановиче Шаляпине.

Прощаясь с художником, я попросил его дать мне на память автограф. Борис Федорович вырвал из блокнота лист, быстро сделал на нем рисунок и поставил свою подпись. Потом протянул листок сестре - Ирине Федоровне Шаляпиной, которая принимала участие в нашей беседе.

- Распишись и ты, Ира, - попросил он. - Это я сам на себя дружеский шарж нарисовал, - пояснил он, протягивая мне листок. - Дай-то Бог увидиться здесь, в Москве, еще раз.

Увидеться, увы, не пришлось.

Беседовал Михаил ПАЛИЕВСКИЙ.
На снимках: Федор Иванович Шаляпин с сыном Борисом; рисунок Бориса Шаляпина (публикуется впервые).

Шаляпин
Ирина
Ф.И.
24.11.04